

СЛУШАЙ. ГОВОРИ

ЖЕНЯ СНЕЖКИНА

A stylized profile of a person's head and neck, facing left. The profile is filled with a light green color and has a cracked, mosaic-like texture. The background is a solid light green color.

Женя Снежкина

Слушай. Говори

«Издательские решения»

Снежкина Ж. Б.

Слушай. Говори / Ж. Б. Снежкина — «Издательские решения»,

Документальная история женщины, которая на протяжении многих лет была жертвой домашнего и сексуального насилия. Действие книги начинается в конце восьмидесятых годов прошлого века и заканчивается в нулевых этого. Героиня повествования преодолела свою трагедию благодаря тяге к образованию и людям, которые начали появляться на ее жизненном пути в тот момент, когда она приняла решение учиться, несмотря ни на что.

Содержание

Вступление	6
Первая глава	7
Вторая глава	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Слушай. Говори

Женя Борисовна Снежкина

© Женя Борисовна Снежкина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

С героиней этой книги, Верой, мы несколько лет приятельствовали. Долгое время я приводила ее в пример моим друзьям: веселая, боевая, не склонная к депрессиям, занимается наукой, крепкий брак, счастливое материнство. Наверное, я никогда не узнала бы историю Веры, если бы не писала одно время колонки для сайта института Като, посвященные в основном правам детей и правовым аспектам охраны частной жизни. Вера иногда комментировала эту мою писанину, а через некоторое время я заметила, что она относится к обсуждаемым мной вопросам несколько иначе, чем остальные мои друзья и читатели, – слишком лично, что ли.

Зимой 2009 года я приехала в Москву, и мы с Верой договорились встретиться, попить кофе. Вечер, «Кофе Хауз», чуть более громкая, чем мне бы этого хотелось, музыка, кофе с коньяком. Мы с Верой немножко посплетничали, поболтали о моих колонках, а потом она начала рассказывать. От того, что я услышала, мне стало, мягко говоря, нехорошо. Вера рассказала, что в детстве в течение восьми лет подвергалась домашнему насилию, а последние четыре года жизни дома – и сексуальному насилию со стороны отчима. Та же судьба оказалась и у двух ее сестер, причем младшая из них приходилась насильнику родной дочерью. Слушая рассказ Веры, я все время задавала и ей, и себе только два вопроса: «Как так могло случиться?» и «Как ты из всего этого выбралась?»

Проговорив до глубокой ночи, мы с Верой решили, что напишем эту книжку. И для меня, и для нее было важно разобраться в произошедшем для того, чтобы если не предотвратить такие истории, то хотя бы сделать так, чтобы в России возникла система помощи жертвам домашнего насилия. Жертвы насилия в нашей стране – немтеры, они не говорят о своих историях, а если и отваживаются сказать, то только на условиях полной анонимности и узким специалистам – психологам, психиатрам, прокурорам. С одной стороны, это очень понятно – кому хочется еще раз вспомнить и пережить ужас, который с ним случился. Но с другой стороны, отсутствие этой темы в публичном пространстве приводит к тому, что, например, в правоохранительных органах фактически нет специалистов, которые умеют работать с детьми – жертвами сексуального насилия, что приводит, в свою очередь, к параличу системы правоохраны в этой области.

Я без малого месяц прожила у Веры в доме: разговаривала с ней о ее детстве, о том, как и когда ее и сестер начали истязать и насиловать, как ей удалось сбежать из дома и устроить свою жизнь после того, что с ней произошло. Временами это было мучительно, но мы записали интервью. Уже потом я начала искать специалистов, которые могли бы мне помочь ответить на вопрос «как такое могло произойти в наши дни в России?». Еще несколько следующих месяцев я опрашивала специалистов: психологов, психиатров, бывших сотрудников милиции, психотерапевтов, юристов, сотрудников социальных служб, социологов, криминологов, ученых, изучающих проблемы феминизма в России. В общей сложности я сделала порядка пятидесяти интервью. Однако в тот момент, когда я закончила работу, я совершенно точно поняла, что их комментарии к этому монологу будут лишними. Мне представляется, что эта книжка не должна стать ответом на вопросы, которые появятся после ее прочтения, но стать поводом эти вопросы задать, стать поводом для дискуссии о проблемах домашнего и сексуального насилия.

В тексте по понятным причинам изменены имена, географические названия, названия учебных заведений, но эти изменения, с моей точки зрения, не влияют на подлинность описания.

Первая глава

1

Стоянка, где мама оставляла машину, находилась далеко от дома – несколько остановок на трамвае. Мы всегда ходили оттуда пешком. Рядом со стоянкой была палатка с мороженым, не обычным, а таким, которое выдавливали из специального автомата в вафельный фунтик, и стоило оно в два раза дороже обычного. Мама ставила машину, потом покупала мне этот фунтик, и мы долго-долго шли домой вдоль забора завода «Серп и молот». В одной руке я держала холодный рожок, в другой – теплую мамину руку, а во рту у меня таяло шоколадное мороженое.

Если у мамы было хорошее настроение, мы еще останавливались в продуктовом магазине и покупали молочный коктейль. Это тоже было чудесно – в теплом, из мойки, стакане холодный коктейль. Я могла его пить бесконечно, выпивала за один раз стакана четыре.

Помню нашу квартиру. Это была «сталинка», трешка. Там жили мамы родители и мы с мамой. Как таковой гостиной не было, ею считалась комната бабушки и дедушки. Помню сиренево-серые обои с вязью, высокие потолки, лепнину около люстры. В этой комнате стоял сервант, в серванте – шоколадные конфеты. Кресло, торшер. Бабушкина кровать стояла справа, дедушкина – слева. На окне цветы, алоэ.

Другие цветы стояли у нас и у мамы. Я не любила алоэ, потому что из них было тяжело пыль выковыривать. Это была моя домашняя обязанность, единственная – поливать и протирать цветы. Наша комната была бежево-желтой, обои с цветочками, что ли... На окнах тюлевые занавески с лебедями. Эти занавески мне очень нравились, я их сама выбрала. После ремонта мы с мамой ходили покупать занавески. Я выбрала тюль с лебедями. Засыпая, смотрела на этих птиц.

Напротив моего дивана была ниша, в которой помещалась кровать сестры. У огромного окна стоял мой письменный стол, маленький столик сестры (помнишь, были такие наборы – стульчики и столики, расписанные «под хохлому»?) и корзина с игрушками. Около дивана пианино. Если я и убиралась в нашей комнате, то только по собственной инициативе, но мне это не нравилось. У меня было много других интересных дел. Например, однажды я решила помочь бабушке отмыть плитку. Мне никто не мешал. Я долго с ней возилась, с этой плиткой, изгвадалась в саже. Зато потом я даже удивилась, что плитка на самом деле белая. Это было так интересно!

2

Мама со мной занималась. Она откуда-то притащила специальные учебники, прописи, мы делали упражнения. Помню, как мама мне объясняла, что такое время, отрезки, как построить геометрическую фигуру по точкам – это все были открытия для меня. Я не очень любила заниматься, мне больше нравилось играть, но и не сильно протестовала.

А еще мы много читали. Что читали? Носова, «Маугли», огромное количество сказок. Но книги мне начали нравиться гораздо позже. Больше всего мне нравились сказки, придуманные бабушкой. Она сама придумывала сказки.

Бедная бабушка. Помню, как однажды я посмотрела кино «Неуловимые мстители», после этого схватила такую пластмассовую сабельку и начала носиться по квартире, крушить все вокруг. Бабушка за мной. В результате бабушка стала главным врагом, и я начала нападать на нее, бить этой самой саблей, причем довольно больно, как теперь понимаю. В результате

бабушка подняла с полу прыгалки и отлупила меня. Такой опухший след на коленке остался от удара прыгалками.

Вечером пришла мама. Я говорю: «Смотри, меня бабушка ударила прыгалками, видишь, какой у меня след на коленке». Мама к бабушке, а та пьет валерьянку, успокаивается от осознания того, что она ребенка чем-то стукнула. Мама тогда сказала: «Мало ударила». Но потом мы все это со смехом вспоминали.

Мама и бабушка... Мама, например, умела шить. Она «доставала» ткани и сама себе шила платья, у нее было какое-то невероятное количество платьев, нам она тоже шила платья, поэтому у нас с сестрой никогда не было китайских платьев с воланчиками и рюшечками. Мы носили ее платья.

Помню, как она подарила на день рождения бабушке четыре или пять отрезков ситцевой ткани. Я была очень разочарована – разве это подарок? А бабушка болела сахарным диабетом, и у нее был очень большой живот, а все остальное – маленькое, она, как беременная, выглядела. Найти одежду на такую фигуру было невозможно, и бабушка всегда очень страдала от этого. Я говорю: «Боже мой, мама, ты подарила бабушке ткань на день рождения. Какой ужас!» А потом мама сшила бабуле из этих тканей два платья: одно – красное с синим, другое – зеленое с синим. Это зелено-синее платье долго жило, в нем потом бабушку хоронили.

3

А еще мы с мамой ходили гулять в сквер, который уходил в Измайловский парк. Там, в парке, множество прудов и горок, зимой мы катались с этих горок на лыжах и санках. Зимние забавы я очень любила, очень любила ходить в парк.

Помню, как однажды осенью мы пошли туда с мамой и встретили какого-то ее знакомого, который гулял со здоровенной собакой – московской сторожевой. Я тогда была не сильно выше той собаки. Хозяин сказал собаке: «Ну, поздоровайся с Верочкой». Тогда собака начала меня облизывать. Я просто опешила: стою мокрая, вся в слюнях какого-то чудища. Для меня тогда собаки были звери не больше болонки, а тут этот, здоровый такой... Помню ощущение то ли испуга, то ли радости, потому что собака была очень дружелюбная и не хотела меня обидеть.

Вот про собаку еще вспомнила. У нас были животные – черепаха Маргоша и болонка Джулька. С собакой нужно было гулять, и я иногда брала ее с собой на вечерние прогулки. Помню запах Джульки. У нее была такая привычка – к приходу бабушки писала на пол в ванной. Бабушка старалась с Джульеттой погулять непосредственно перед бабушкиным приходом, но Джулька выдавливала из себя хотя бы каплю. Придя домой, дед шел мыть руки в ванную, Джулька за ним и демонстративно и писала на пол. Такие у нее с дедом были отношения, не знаю отчего. Может быть, таким образом она показывала ему свою привязанность.

Она прожила с нами до последнего. Я помню, как мы с бабушкой ходили ее усыплять. К этому моменту она была уже очень старой, у нее начались неисправимые проблемы с сердцем, она все время задыхалась и сильно страдала от этого.

Бабушка посадила Джульетту в сумку, взяла с собой меня, и мы поехали куда-то далеко на трамвае, потом долго несли ее до ветеринарной клиники.

Бабушка несла ее. А возвращались без собаки.

Бабушка мне объяснила, что Джульке сделали укол, и все – ее больше с нами нет. Тогда я сказала, что, наверное, это хорошо, что ее больше нет, потому что она долго мучилась. «Нет, не хорошо это», – сказала бабушка и заплакала. И я себя почувствовала так... как будто меня побили. Бабушке и так было плохо, а тут еще я со своими высказываниями...

4

Каждое лето, пока у нас не было дачи, мы на машине ездили с мамой, бабушкой и дедушкой в лес за грибами. Собирались основательно, мама в термос заливала тушеную картошку с мясом, в другой термос – чай, еще брали сладости для меня. Еще в багажник складывали дедушкино раскладное зеленое в коричневую полоску кресло с подлокотниками, бабушкино синее в серую полоску кресло с подлокотниками, мамино и мое кресла без подлокотников, пестрые, как матрас, и табуретку для сестры. Помню, что грибы мы собирали ведрами. Потом, уставшие, рассаживались в креслах, мама доставала газовую горелку, разогревала еду, и мы обедали.

Потом эти грибы бабушка солила. Без них ни один Новый год не проходил.

Новый год мы всегда встречали только с семьей. Кроме всех нас иногда приходили наши дядя – мамины братья. Дядя Витя жил один отдельно от нас и часто болел. Он работал каким-то инженером, вечно был занят, что-то чертил. Маленький и толстенький такой мужичок. Я его нежно любила. Был еще дядя Гоша, такой поэт-наркоман, который мотался где-то, так что редко появлялся в доме.

Так вот. 31-го числа я просыпалась от того, что на кухне творится какой-то бедлам: кастрюли гремят и мама с бабушкой ругаются. Точнее, я слышала в основном мамин голос, бабушка очень тихая всегда была. Мама говорила: «Мешаешь... отойди... не можешь резать где-нибудь в другом месте...» Я вставала и чапала на кухню. Там мама сначала отсылала меня в ванную умыться, а потом давала бутерброд и чашку чая. Я сидела на кухне, пила чай и нежилась в пару.

Из всех кастрюль, стоящих на плите, в этот день валил пар, окна запотевали, мама открывала фрамугу, но и это не помогало. Однажды 31-го к нам даже пришел участковый. Оказалось, что он пришел проверить, не гоним ли мы самогон – так у нас пар из окна валил. Мы, говорим, не гоним, мы готовим.

После завтрака мама отсылала нас к себе – идите, играйте, не мешайте. Ответственным за нас в этот день назначался дедушка. Он включал телевизор, но никогда не сказки, а какие-нибудь старые фильмы. Сказки он нам почему-то не ставил никогда. Потом он собирал нас, и мы шли куда-нибудь на елку. А после елки к нам домой обязательно приходили Дед Мороз со Снегурочкой. И с подарками, это же главное.

Домашняя елка, где нас поздравляли, естественно, стояла у нас в комнате – огромная, всегда живая, украшенная старыми-старыми игрушками. Некоторые эти игрушки сохранились до сих пор.

Затем нас кормили чем-то на кухне на скорую руку и отправляли на принудительный «тихий час», причем спать мы должны были дольше, чем положено. Мне, конечно, не спалось, и валяться просто так в кровати было тоскливо. Это самое нелюбимое время 31 числа.

Потом наступало главное действие. Мама накрывала на стол. Она всегда делала это только сама. Сначала она перемывала весь праздничный фарфор и хрусталь. Пока посуда сохла, мама раскладывала стол, потом залезала в нижний ящик серванта, доставала оттуда белую праздничную скатерть и салфетки. Потом вытирала и расставляла сначала приборы, затем ставила салаты.

На новогоднем столе обязательными были несколько салатов, главными – оливье и винегрет, их на стол подавали в двух хрустальных салатницах – для оливье побольше, для винегрета поменьше. Винегрет я ненавидела, потому что его заправляли постным маслом, которое пахло семечками. Еще был салат из печени трески с яйцом, его ставили на стол в длинной хрустальной ладье.

Потом на стол выставлялись две хрустальные кадучки с икрой – красной и черной. Обязательно шпроты, шпроты подавались в жестяной банке на блюде, а кроме них еще рыба – красная и белая. Еще обязательно сервелат и бабушкины грибы.

Потом на стол мама ставила бокалы, стаканы под компот и морс, рюмки для водки, все это было из хрустала.

В этом моменте, в предвкушении, был самый кайф Нового года – мама уже сервирует стол, значит, время пришло. И мы садились провожать Старый год. Взрослые пили шампанское, мы морс, и наслаждались закусками.

Мама шла на кухню, приносила оттуда горячее (мясо обязательно перекладывала из кастрюли в специальную супницу). Но горячее мы ели уже после того, как часы пробьют двенадцать.

А потом, после двенадцати, мы находили под елкой еще подарки. Мама говорила: «Давайте сходим посмотреть на елочку? Может быть, найдем там еще что-нибудь?» И мы находили. Это был мегасюрприз. Потому что вроде бы Дед Мороз и Снегурочка уже нам подарили все подарки, салатом мы наелись, а тут такое!!! Подарков всегда было очень много.

Я помню, что никогда не выпрашивала игрушек. Один только раз в «Детском мире» мне очень понравилась заводная лошадь с тележкой. Она была такая прекрасная... умела ездить и ей можно было управлять... Я потом, конечно, думать забыла про эту лошадь, потому что видела ее сильно раньше Нового года, может быть, осенью. Дед Мороз мне подарил в тот год набор пластмассовых овощей, кстати, отличный, мы ими играли в магазин с сестрой. И вдруг под елочкой оказалась эта суперлошадь! Я даже говорить не могла какое-то время от восторга.

Какое-то время мы играли с подарками, а потом нас укладывали спать. Взрослые оставались за столом и разговаривали: о бытовых каких-то вещах, о планах на будущее, вспоминали что-то... тихо разговаривали... мы уже не слышали... мы уже спали.

5

Когда мне исполнилось семь лет, я пошла в школу.

Я не любила ее, там было скучно, скучно, скучно, потому что очень легко. Чистописание, вычерчивание по линейке – это все я уже знала. Или эта лишняя писанина – «домашняя работа», «классная работа». Раздражала необходимость описывать математические действия. Казалось бы, уже сто раз посчитал, сколько яблок у Маши и у Васи, но нет, надо написать условие, потом математическое действие, потом прописью ответ – и не где-нибудь, а отступить десять клеточек с левой половины страницы, сколько-то сверху... Все это навевало скуку.

Еще меня просто бесили сосиски в целлофановой шкурке, которые давали в школе к завтраку. Сосиска была горячей, и целлофан с нее стащить было практически невозможно, а когда она остывала, то делалась невкусной или время завтрака заканчивалось, так что приходилось давиться этой чертовой сосиской. Ну и вообще, как можно варить сосиску в целлофане?!

Классную руководительницу я прекрасно помню. Мне кажется, я была влюблена в нее. Она была похожа на Татьяну Виденееву – худенькая, высокая, голос очень похож, манеры...

Но однажды она поставила мне двойку по труду, я долго сидела у нее в классе и просила не ставить мне эту двойку... Мне никак не удавалось сделать вертолет из конструктора. Я потом сделала его, дома. Положила вертолет в коробку из-под конструктора, долго прилаживала крышку, чтобы вертолет не рассыпался, потом запихивала коробку в сумку, чтобы донести это сделанное. А учительница сказала, что мне кто-то помогал. Как же я была разочарована!

Одноклассников помню... Мальчика Марата, который сидел рядом со мной. Так как я была «очкарик», я всегда сидела за первой партой. Помню мальчика Ваню, круглейшего отличника, он знал все, был очень начитанный, поэтому ему тоже всегда было скучно. А еще Иру, с которой поначалу были в контрах. Мы с ней дрались, она меня ужасно раздражала тем, что выкрикивала на уроках, не соблюдала установленный порядок. А однажды Ира пришла в школу и плакала, потому что ее дог проколол желудок куриной трубчатой костью и умер. И тогда я с ней подружилась. Я ее жалела после смерти дога.

Освобождение от школы наступало тогда, когда мы вылетали из школы и бежали собирать военные пуговицы на свалку. Свалка находилась за казармами, туда в какой-то момент выбросили кучу срезанных с шинелей пуговиц. Их там было очень много, этих пуговиц, они были разных размеров и цветов – посеребренные и позолоченные, со звездами. Мы лазили через забор на свалку и собирали эти пуговицы. Их было очень много, но в то же время нужно было поковыряться, чтобы их найти, так что каждый накапывал себе на свалке свою кучку пуговиц, личное сокровище.

6

Помню утро. Шум метлы дворника, птички чирикают, детские голоса... это малышня из детского сада, который около дома, на прогулку вышла. Значит, эти воспоминания относятся к тому моменту, когда я училась в третьем классе. Тогда у нас была вторая смена, и я вставала поздно.

Завтракали вместе, но без деда, потому что он уходил на работу совсем рано. Вставал раньше всех, ел и уходил на завод. До завода он всегда ходил пешком, а путь туда неблизкий, поэтому ему нужно было много времени.

До завтрака мама успевала подмести во всей квартире пол и прибраться. Потом мы вместе садились есть. Бабушка за стол с нами почти не садилась, готовила на всех, а сама перекусывала у плиты. Мама и мы с Надей – за столом. Как правило, мне давали яйца всмятку, бутерброд с маслом, чай с сахаром. До сих пор обожаю яйца, это моя страсть с детства.

Я очень любила, когда мама мне заплетала косы и вплетала туда банты. У меня был огромный мешок с бантами, где мама их доставала, непонятно. Тогда не было возможности разноцветные такие доставать. А у меня каких только цветов там не было! Особенно нравилось, когда мама вплетала сразу несколько лент – синюю и белую или белую и оранжевую. Я считала, что это просто суперкрасиво.

А еще я любила мамины сокровища. В углу в ее комнате стоял трельяж с ящиками, где хранились вся ее косметика и украшения. Я обожала там копаться. Помню, что у нее было любимое золотое кольцо с черным камушком. Такое маленькое. Она его очень любила, носила часто. Я все время не понимала, почему она его любит. Мне наоборот нравилось другое – большое золотое кольцо с большим рубином. Все эти «богатства» были доступны для нас. Даже когда мамы не было дома, мы играли с ее косметикой, с ее украшениями, и с золотыми, и не золотыми. Кроме того, все книги, которые у нас были, а их было достаточно много, тоже находились в маминой комнате. Там вдоль стены были составлены несколько книжных шкафов, поэтому получился один огромный шкаф. Я много времени проводила у этого шкафа, рассматривая книжки.

7

Когда мы жили в Москве, мама работала в милиции, в отделе по экономическим преступлениям. Я не знаю, был ли это УБЭП. Она не была следователем или дознавателем. Мама занималась работой с деньгами, есть такая функция – техническое описание денег, опознание купюр, их хранение, производство экспертизы. Вот такими делами. То есть у нее было какое-то звание, но она не занималась напрямую следственной работой.

Мама никогда не носила форму, она всегда одевалась очень хорошо.

Она очень многого достигла сама – содержала семью по полной программе: машина, дача, нормальный достаток. Но с другой стороны, как мне кажется, на нее очень сильное впечатление произвел первый неудачный брак, от которого у нее случилось двое детей. Причем Надя родилась почти случайно уже в момент развода. Мама долго решала – сделать аборт или оста-

вить этого ребенка. Так она и осталась одна с двумя детьми. Я даже помню, что в доме периодически звучала именно эта формулировка «одна с двумя детьми».

Хотя она никогда не испытывала недостатка внимания со стороны мужчин. У мамы постоянно были романы, реально постоянно. Это ее нормальное состояние. Она проводила мужчин в дом.

Ее предыдущий любовник, дядя Миша, который был до моего отчима, он меня просто бесил. Они вместе работали, там и познакомились. Это было, когда только начали появляться компьютеры, я иногда приходила к нему в кабинет и на его компьютере играла. Один раз, мне было семь или восемь лет, он пришел пожелать нам с сестрой спокойной ночи. Когда дядя Миша увидел, что я сплю раздетая, без майки, начал требовать, чтобы я немедленно надела или ночную рубашку, или пижаму. Я говорю: «А я так не люблю, я сплю в трусах». А он свое – нельзя спать без майки. Почти довел меня до слез, потому что я никак не могла сказать ему, чтобы он отстал, а он настаивал, чтобы я надела что-нибудь сверху. Потом он исчез куда-то, ну в смысле из нашего дома, на работе у мамы я его иногда видела...

8

Помню отца. Одну сцену только помню, один образ. Мне было года четыре, потому что Надя уже была. Еще была совсем маленькая, только родилась. Отец тогда уже с нами не жил и, видимо, время от времени приходил к матери мириться. Я помню, как он стоял в дверях, а я в этот момент шла по коридору в свою комнату. Мама позволила отцу меня позвать, а я не пошла. Так и запомнила: отец стоит в проеме входной двери и зовет меня.

Потом никакая информация о нем была для нас недоступна. У нас не было его фотографий, мы не знали, где он живет. Да и сам отец не пытался наладить с нами связь, особенно после того, как мама вышла замуж и отчим удочерил нас. После этого то ли сами мама с отчимом, то ли кто-то из их знакомых навестили отца, устроили разборку и потребовали, чтобы он больше никогда не показывался.

Недавно Надя нашла семью отца – то ли его тетю, то ли его мать, которая помнила обо мне, но о существовании Нади не подозревала. Те родственники позвали Надюху в гости. Я не ездила. В общем, по разговорам стало понятно, что отец спился окончательно.

Вторая глава

1

Они познакомились в 1989 году, мне на тот момент исполнилось девять лет. Мама сказала, что это произошло около какого-то метро, кажется, у нее что-то случилось с машиной, я точно не помню. Наверное, у нее сломалась машина, и он просто предложил помощь. Это было случайное знакомство, у них не было общего круга общения.

В какой-то момент мама сказала: «Я тебя познакомлю с одним человеком. Он очень хороший. Ты посмотришь сама и все увидишь». Помню, что мы с мамой поехали на машине до метро и там его забрали. Он сел за руль, она села рядом, и мы куда-то поехали, не помню куда.

Первое впечатление от него было не восторженное, но вполне себе дружелюбное. Мы с ним виделись нечасто. Игрушек он не дарил, но играл с нами, разговаривал.

В их с мамой отношениях была нежность. Он за ней ухаживал, цветы дарил, голубил, они время от времени ездили вместе отдохнуть куда-нибудь на природу. Это все было. Все остальное, мне кажется, маму не сильно интересовало, потому что все остальное она могла позволить себе сама.

Отчим к тому моменту уже не работал. Изначально было очевидно, что отчим пьет, к тому же у него был сахарный диабет в какой-то жуткой форме, и врачи сказали ему, что долго он не протянет. Так что к тому моменту, как они с мамой познакомились, отчим считал, что доживает последние дни, и жил у какого-то своего друга, деревенского алконавта, с которым они вместе и пили. Мама взялась его лечить. Пить он надолго завязал, а она ездила с ним по врачам, каким-то ведомственным госпиталям, санаториям... Так что большая часть их романа проходила в больничных интерьерах. И потом, когда мы уже стали жить вместе, наверное, первые полгода, он все еще лечился. Наверное, мама ожидала от него какой-то благодарности... или спасала... Не знаю.

2

Ни я, ни Надя не замечали ничего, что бы говорило о приближающейся свадьбе. Категорически нет! О том, что в доме разразился скандал, мы узнали постфактум, нас в этот момент дома не было (не помню, где мы были). Отчим пришел к нам домой, и там что-то произошло, я не знаю что.

Я только уже потом была свидетелем, как дед орал на мать «он не твоего круга», что «ноги его не будет в этом доме». А бабушка мягче говорила, но говорила то же самое – «он тебе не подходит», «ты подумай».

Мы не очень понимали в чем дело, а взрослые нам не объясняли. Просто мы в какой-то момент были поставлены перед фактом, что переедем жить в другое место. Это случилось весной. Мама зашла в нашу комнату, посадила нас на диван и сказала: «Мы поженились, и было бы очень хорошо, если вы будете называть этого человека „папой“, потому что он вас усыновил и, в общем, теперь мы одна семья, а скоро мы переедем в другой дом».

Мне стало очень неприятно, потому что меня заставляли делать то, чего я не хочу. Я дико не хотела называть этого человека «папой», я не привыкла никого называть «папой» и не понимала, почему должна делать это теперь. Но с другой стороны, я знала, что маме это будет приятно.

Потом это «папа» стало как речевка, которую я научилась проговаривать, не обращая внимания на смысл.

3

В начале лета мы переехали в деревню, а потом переехали наши вещи. Мы ни с кем не прощались. Мама вас отвезла на машине. Видимо, отчим занимался упаковкой вещей, потому что в какой-то момент к нашему дому подъехал грузовик с вещами: книжки, тетрадки, наша одежда, мебель, пианино.

Первое время мы жили в соседнем доме, где жили родственники отчима: его младший брат, сестры его матери, дед. Они были странные. То есть они мне казались странными – шумная толпа бабулечек и дедулечек. И пахло в доме старостью. Хотя на самом деле большинству из них было около пятидесяти.

Ко мне они никак не относились. Звали к столу, а в остальном никакого внимания не уделяли, никто не пытался со мной заговорить. А я все время боялась сделать что-нибудь не то или сказать что-нибудь не так, потому что кругом незнакомые, чужие люди.

Однажды я вышла из дома и сказала маме: «Посмотри, здесь цветочки растут, клумба, дорожка, все ухожено. А на соседнем участке все запущено, сплошная крапива, лопухи, помойка какая-то. Как можно было все так запустить?» И тут мама сказала: «Вера, не надо, говори тише, это наш дом, мы там будем жить».

Вот тут случился окончательный ужас. Я помню этот ужас, свой ужас, когда я увидела тот деревенский дом. Деревенская жизнь была чужой мне, все в ней было странно – вот эти занавески, какие-то метелки, лопаты, ведра. Но я как-то справлялась с этим ужасом, потому что не хотела, чтобы мама чувствовала себя плохо. Я все ждала, когда же мы вернемся обратно. А мы не вернулись уже. Просто мы совсем переехали.

4

Не могу вспомнить завтрак в новом доме. То есть я понимаю, что тогда мы сидели в старой столовой (новую пристроили позже), да, сидим мы с сестрой, мама и отчим. Что ели, не помню. Мать с отчимом о чем-то говорят, наверное, обсуждают план работ, дают нам задание на день.

Я помню только свои чувства. Я сидела и думала: «Господи, когда это закончится? Неужели это все со мной?» А с другой стороны, я понимала, что это никогда не закончится, что это действительно все происходит со мной. Это было мучительно, просто разрывающе мучительно. Я старалась есть как можно медленнее, чтобы оттянуть тот момент, когда нужно идти во двор, но мама меня торопила и ругалась.

Когда мы переехали, мать прошла по владениям, осмотрела, что там нужно сделать, составила ряд приоритетных и неприоритетных задач. За это лето нам нужно было полностью очистить участок от лебеды, крапивы и лопухов, чтобы потом эту землю перепахать и удоб-

ритель. Сорняки нужно было выкапывать, чтобы их корни не остались в земле и не проросли вновь, поэтому у нас были специальные такие полотники на палке. Такая металлическая конструкция, как заточенный ножик, с помощью которого мы все эти сорняки выковыривали. Нам предстояло обработать двадцать соток земли. Это плантация. Я бесконечное число раз делала одни и те же механические движения – пропалывала и выбирала корни.

Ужас этой работы заключался еще и в том, что она не могла быть сделана никогда – к тому моменту, как я заканчивала пропалывать один кусок участка, сорняки уже проросли на предыдущем.

Второй по приоритетности задачей была работа по разгребанию свалок на участке. Свалок было несколько. Одна «техническо-бытовая» – туда сваливали старые кастрюли, миски, куски ржавого металла, рубероида. Но была еще свалка другая, туда выкидывали мусор органического происхождения, то есть куча гнили, в которой копошились опарыши. Все это мы тоже должны были разгребать и вывозить.

Сначала мы все это вытаскивали и выкапывали, потом мама приносила специальную тележку и помогала нам погрузить в нее мусор. Потом мы с сестрой впрягались в тележку и тащили ее на деревенскую свалку.

5

Это было так стыдно... Я же никогда в жизни так не работала... А тут мы с сестрой везем через всю деревню тележку... Кругом дети, которые приехали к бабушкам и дедушкам на каникулы... Тележка с гнилью привлекает их внимание... И я в каких-то говенных сапогах таскаю какое-то говно, целый день туда-сюда... Это было так унижительно... Я на всю жизнь запомнила это публичное унижение, связанное с работой.

В деревне люди часто работают у всех на виду: пасут коров, что-то грузят, строят, пропалывают цветы, собирают яблоки, но эта работа не казалась мне такой унижительной, как это таскание тележки с гнилью.

Отчим тогда по большей части находился где-то вне дома, так что приведением дома в порядок занималась мама, которая тоже не была привычна к деревенскому труду. Мне кажется, она пыталась получить от нас хоть крупицу помощи. Я думаю, что ей тоже было неудобно работать у всех на виду, когда лето, гулянья и ежедневный праздник. Поэтому на всех публичных работах были мы, дети.

Идея о том, что человек должен тяжело трудиться и зарабатывать себе на хлеб, в нашей семье принадлежит отчиму. Этот мотив проходил через все детство – ты должен отработать то, что ты получаешь. Отработать, отработать, отработать.

Это началось не сразу, исподволь. Он приходил вечером и спрашивал: «Что, устали, тяжело?» Мы говорили: «Да, устали, тяжело». Он говорил: «А ты как думаешь, ничего не бывает просто так, все работают, надо помогать родителям. Наука жизни такая».

6

Я думаю, что маме очень хотелось нравиться отчиму, и чтобы мы ему тоже нравились, поэтому мы должны были демонстрировать, что мы хорошие дети, мы его любим как папу. Поначалу наше прямое с ним общение сводилось к общему времяпровождению и развлечениям, поездкам куда-нибудь.

Обо всем, что касалось работы и обязанностей, говорила мать. А вот матери говорил он, точнее даже не говорил, а «подкидывал идею». Таким образом, кроме работы на участке, у нас довольно быстро появились и обязанности по дому – мытье посуды, подметание полов по утрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.